

ОТ АВТОРА: Так совпало, что работать над повестью о художниках Эллады я начал в год, объявленный «Годом культуры Греции в России». Искусство Древней Греции всегда интересовало меня. Вызывали восхищение великие скульпторы: Поликлет, Пракситель, Скопас, архитекторы Иктин и Калликрат, построившие величественные храмы Акрополя, волновала трагическая судьба гениального Фидия. И только о художниках Древней Греции мне ничего не было известно, как будто и вовсе не существовало в ту пору станковой живописи. Но ведь в музеях можно увидеть роспись на керамических изделиях, фаянсовые портреты – образцы древнегреческой живописи. И я рассказываю о наиболее известных живописцах, о которых упоминали философы и историки Плиний, Ксенофонт и другие.

ОКНО ВРЕМЕНИ

К северо-западу от Агоры располагался район Керамик, в котором проживали гончары и ремесленники-металлурги. Дом гончара Димитрия не отличался от большинства домов в округе. Несмотря на относительно небольшую площадь дома, мастер-гончар сумел выкроить в доме внутренний дворик – перистиль. Даже устроил в нём небольшой бассейн – импловий, где собиралась дождевая вода для хозяйственных нужд.

В портике, рядом с бассейном, было не так душно и достаточно светло. Там расположилась младшая дочь гончара Аполинария – тонконогая стройная, как молодое деревце, девочка лет двенадцати. Кудряшки её тёмных волос непослушно спадали на круглое загорелое личико с большими любопытными глазами и бархатистыми бровями, почти сросшимися у переносицы. Девочка долго уговаривала отца позволить ей расписывать керамические сосуды, научить её правильно держать кисть, вести тонкую прямую линию. И наконец, после обучения и тренировок на бракованных сосудах, отец доверил ей выполнять часть художественной работы на кувшинах, приготовленных для продажи. Зажав между острых коленок обожжённую керамическую амфору, Аполлинария рисовала чёрным лаком по горловине кувшина ободок орнамента, похожего на бегущую волну. Напротив неё, потупившись, царапая палочкой по земляному полу, сидел на табурете Александрос – старший брат, её защитник и товарищ по детским играм. В наказание за провал в учёбе отец заставил его несколько раз переписать и заучить наизусть стихотворение «Приятно, если умный сын в дому растёт». Молодой человек был атлетически сложен: сказались регулярные занятия в палестре, где он вместе со сверстниками по грамматической школе интенсивно тренировался по пентатлону – пятиборью. Не скрывая смешинки по поводу «мучений» брата, Аполлинария изредка бросала взгляд на бугры мышц, проглядывающие из-под хитона юноши.

– Сандрос, у тебя в пятиборье что лучше получается?

– Борьба и бег, – грустно ответил ей старший брат, – в прыжках ещё ничего получается. А вот с копьём и диском пока не очень.

В доме они находились, можно сказать, одни, родители ушли на скотный двор, там их лошадь вот-вот должна была разродиться жеребёнком. Работникам в гончарной мастерской и женщинам-пряхам было не до них – каждый занимался своим делом.

– А чему вас учат в школе? – не унималась Аполлинурия.

– Ну, у нас там есть математика, письмо. Читаем Гомера «Илиаду» и «Одиссею». Заучиваем вслух стихи.

Сестра едва сдержала смех.

– Наверно, отец доволен, что ты в этой школе учишься?

– Может быть... Только дорого там учиться. Ладно... Скажи, а что на этой амфоре нарисовано будет?

– Я не знаю. Бывает, отец и сам заранее не знает, что будет рисовать на амфоре. А вот на этом скифосе, – она показала на большую керамическую чашу с двумя ручками, – знаю. Он на ней будет писать сцены с картин художника Тиманфа. Для этого отец даже специально ходил в Пинакотеку рисовать с его картин.

Девочка вдруг заметила, как узкий луч солнца, проникнув сквозь какую-то щель, высветил на стене профиль её брата. Она вспомнила историю про дочь горшечника Дибутада, которая так же, как она, увидела тень своего жениха и обвела его профиль на стене своей комнаты в гинекее. Рассказывают, что благодаря её рисунку горшечник-отец изобрёл стиль росписи керамических ваз.

– Не шевелись.

Александрос застыл, подумав, что сестра заметила ползущего по его одежде жука или гусеницу, но она подошла к стене и на известковой штукатурке быстро очертила остриём ножа его профиль.

– Вот так. Теперь ты останешься здесь навсегда.

– Отец тебя ругать за это не будет?

– Не будет, – бойко ответила девочка и вернулась к прерванной работе. – Сандрос, – в очередной раз оторвавшись от амфоры, заговорила она с братом, – а зачем нужна живопись? Вот амфора, скифос – понятно зачем. Ну, фигуры на них нарисовать, орнамент – для красоты. Это я понимаю, а зачем нужны картины? Отец и сам мог бы нарисовать что-нибудь на кувшине, а он идёт и срисовывает с картин Полигнота, Тиманфа, Паррасия и Зевксиса. Зачем, не знаю...

– Зачем? А вот если хочешь, сама сможешь догадаться зачем. Уговори отца отпустить нас с тобой на Агору. Сегодня там как раз состязание Зевксиса с Паррасием заканчивается.

– Когда? Сегодня? А мы успеем?

– Как постарайся, – мотнув головой в сторону амфоры в руках Аполлинурии, ответил ей брат.

Девочка постаралась и довольно быстро закончила с орнаментальными узорами на кувшинах и прибрала инструменты.

– Сандрос, я только сандалии надену, и мы пойдём.

– Если ещё нас отец отпустит...

– Отпустит. Я его уговорю.

Одной ей никто бы не позволил ходить по рыночной площади, да она и сама вряд ли решилась бы на такой поступок. Агора – это не просто рынок, хаотически застроенный торговыми палатками, это центр жизни города-кузнеца, покровителя всех афинских ремесленников – металлургов и гончаров. Бывая там, в первую очередь они всегда отдавали должное своему божеству. Потом обязательно подходили к девятиструйному фонтану, чтобы ополоснуть лицо прохладной водой, и шли дальше мимо храмов и административных зданий к району торговой Агоры. Здесь располагались торговые лавки, выставлялись эталоны различных товаров, на стелах можно было прочесть последние декреты, здесь находился перистильный дворик, в котором заседал народный суд – трибунал. К зданию примыкали водные часы с лесенкой и прямоугольным бассейном. Аполлинурии нравилось подолгу стоять и наблюдать, как с жемчужным переливчатым звучанием весело утекает время.

Набросив на плечо поверх хитона розовый пеплос и, как взрослая девушка, перехватив в локте другой конец его материи, Аполлинурия приготовилась к выходу в город. Александрос накинул на плечи свой плащ. Выйти из дома можно было только через дворовые постройки: конюшни, сарай, поэтому встреча с отцом была неизбежна.

– Как наша лошадка, ещё не разродилась жеребёночком? – по-детски наивно и ласково заговорила Аполлинария.

– Ещё нет. А куда это вы собрались? – Димитрий, крепкого сложения мужчина, с острым взглядом, окладистой бородой и вьющимися в барашек волосами, скорее был похож на мифологического героя, чем на тихого художника-вазописца.

– Отец, на Агоре сегодня соревнование художников. Мне очень-очень хочется посмотреть. И Александрос меня сопровождать будет... Пусти нас, а мы всё-всё, о чем ты попросишь, потом сделаем.

– Ах да, вспомнил, два великих соперника – Зевксис и Паррасий. Ну, сходите, посмотрите, я бы сам тоже сходил, посмотрел, но... Ну, вы мне расскажете, как проходили состязания. Картины на Агоре останутся, потом и я погляжу на их творения.

Девочка в благодарность на секунду прижалась к отцу, а он успел ласково потрепать её по кудрявой голове.

СОСТЯЗАНИЕ

Они успели вовремя. Ещё издали заметили у стены строящегося храма толпу людей, которая собралась поглазеть на занимательное зрелище. Художники, скрытые ширмами друг от друга и от любопытных зевак, трудились уже вторые сутки. Публику развлекали музыканты, жонглёры и канатоходцы. Ведущий состязания мэтров в паузах между выступлениями артистов напоминал гражданам о заслугах художников.

– Великий наш Зевксис, – читал диктор гекзаметром, – прославлен был Гомеровой Еленой, чей образ мастер для кротонцев воплотил, собрав черты от пятерых красавиц афинянок. С одной он срисовал уста, с другой – прекрасный стан, от третьей взял румяные ланиты, игривые глаза – четвертой, а от пятой досталась сложная причёска. Так, запечатлев навеки черты красавиц афинянок, Зевксис создал свою картину – прекрасную «Троянскую Елену», – сделав многозначительную паузу, диктор продолжил читать: – Катарсис – очищение своей души через приобщение к страданию чужому, и в этом высший смысл и цель искусства. Паррасий – живописец, как никто другой, справляется с задачей этой. Его старик с картины «Пригвожденный Прометей» есть воплощение скорби, боли и вопль страдающей души.

Диктор в своем славословии не стал пояснять, каким образом Паррасий добился такого натурализма в изображении страданий старого Прометея. Большинство присутствующих здесь граждан знали эту историю: кто-то осуждал художника за содеянное, кто-то нет, но все афиняне восхищались картиной «Прикованный Прометей, терзаемый орлом». Это была самая лучшая картина художника, шедевр правдоподобия, в ней Паррасий сумел изобразить истинное лицо терзаемого, полуживого Прометея. Невозможно было без слёз смотреть на картину и не испытать чувство протеста к произволу богов, приковавших цепями защитника людей.

Но полного катарсиса не получалось, просветлению мешала тень истории создания картины. Однажды Паррасий увидел на невольничьем рынке дряхлого старика-раба, чья иссохшая, пергаментного цвета кожа, борозды глубоких морщин и пронзительный взгляд поразили художника своей выразительностью. Паррасий купил старика. В мастерской раба привязали рядом с окном, где было самое яркое освещение, и несколько дней морили голодом. За это время художник, напевая, рисовал с него наброски, заставлял принимать разные позы и готовил материалы для картины. Когда же, наконец, Паррасий приступил к своей работе, он велел по-настоящему истязать натурщика. Старик кричал от боли, а художник, продолжая напевать, писал свою великую картину. Присутствующие просили пожалеть несчастного раба, на что художник отвечал:

– Я его купил. Я замену больного, немощного старика картиной, которая переживёт века.

Старик впал в агонию и еле слышно простонал:

– Паррасий, я умираю...

– Вот так и оставайся! В этом миге вся суть искусства. Таким мне в частых грёзах, во мраке ночи являлся Прометей. Именно таким!

За этот случай Паррасий держал ответ перед советом Ареопага. Он был оправдан и прощён после добровольного решения пожертвовать свою картину храму Минервы.

– Полинария, смотри, – Александрос жестом показал на небо, – как домашние птицы перед кормлением.

Над людской толпой, помогая флейтистам своими трелями, щебетанием и свистом, кружила стая мелких птиц, призывая к себе всё новых и новых птах.

– Не докричались бы до орла...

– В полисе им не страшно, это не в горах или в степи.

Между тем диктор завершил своё выступление:

– И вот сегодня на Агоре два мастера сойдутся в честном споре.

Велено было разбирать ширмы, и пред зрителями наконец предстали прославленные художники. Парассий, в своём знаменитом расшитом золотом пурпурном плаще, и Зевксис, в плаще цвета старого золота, расшитом узорами собственного рисунка. Афиняне приветствовали их восторженными криками и аплодисментами. Всегда улыбчивый Зевксис, небольшого роста и плотного телосложения, и серьёзный, горделивый Паррасий даже внешне соперничали друг с другом. Художники стояли возле своих произведений, пока ещё зашторенных занавесями от зрителей.

– Кто первый нам представит свой шедевр? Пусть кинут жребий меж собою мастера, – ведущий предложил художникам бросить игральные кости.

– Я без спора уступаю Зевксису, – во всеуслышание заявил Паррасий. – Пусть он первый покажет свой шедевр.

Ведущий на секунду растерялся, но, посоветовавшись с художниками, согласился.

– Каждый может выбор лучшего из мастеров себе определить! – продолжал диктор. – Но в председатели жюри, в составе двенадцати достойных горожан, назначен нами Никий. Сам Пракситель сделал этот выбор, указав на юношу, талантом превосходным способного и дальше славить миру искусство Греции!

Никий расписывал мраморные скульптуры великого Праксителя, и мастер высоко ценил его талант, говорил, что благодаря искусству Никия его скульптуры становятся намного лучше. Молодой человек показался публике слишком юным, для того чтобы играть роль «архонта» и в то же время, по отмеченной всеми его самоуверенности и твердости характера, вполне мог быть удостоен такого назначения.

– Первым, по взаимному согласию, свою картину покажет Зевксис из Гараклеи, – громко объявил юноша.

Художник снисходительно улыбнулся, глядя на «молодого да раннего» выскочку, напомнившего всем о происхождении Зевксиса. Хотелось сказать: «Мальчик, я живу в Афинах столько лет, сколько тебе ещё от роду нет», но вместо этого он обратился к афинянам:

– Прежде чем откроется этот занавес...

Всё вокруг замерло, прислушиваясь к словам Зевксиса, даже птицы, казалось, прекратили шуметь.

– ...прежде чем вы начнёте судить мою картину, подумайте, кто из ныне здравствующих живописцев способен сделать так, как сделал это я? Лучше, чем я? – он с вызовом глянул на соперника. – А теперь сдёрните занавес!

В толпе ценителей искусства живописи эхом прокатился вздох удивления и восхищения. На стене, как живая, выросла ветвь виноградной лозы с висящими крупными гроздьями винограда. По ветке, перекрученной спиралью, змеились усы. Острые кончики тёмно-зелёной листвы едва удерживали капельки росы. На спелых, полупрозрачных ягодах лежал туманный восковой налёт. Солнце отдыхало в тени тяжёлых гроздьев. Встречались и потерявшие свои соки увядшие ягоды, ставшие изюмом. Возможно, изюм привлёк внимание любопытных птиц, а может, в не ко времени созревшем винограде птицы решили полакомиться гусеницами. Сначала одна птичка, трепеща крылышками, зависла над картиной, следом за ней другая. Наконец птички решились попробовать на вкус картину-обманку и несколько раз тюкнули клювом по стене.

Зевксис рассмеялся первым, толпа поддержала его аплодисментами, смехом и возгласами:

– Ты! Ты самый лучший! Зевксис победитель! Слава Зевксису!

Невдалеке от Александроса и Аполлинарии, как всегда в сопровождении добровольных учеников, за состязанием художников следил философ Сократ. За похожим на маску Сатира лицом – с приплюснутым носом, с широкими ноздрями, с выпуклыми глазами и толстыми губами, с глубокими залысинами на голове – скрывался, по признанию дельфийского оракула, мудрейший из людей Эллады.

Хотя философ говорил негромко, но каждое произнесённое им слово обладало магической силой и невольно притягивало слушателей. Оказавшись рядом, молодые люди расслышали следующее замечание знаменитого мудреца:

– Обмануть глупых птиц нетрудно, об этом знает всякий птицелов, но птицеловам никто не станет так аплодировать. Суть искусства живописи, изображающей живое, всё-таки не в этом...

О чём дальше говорил Сократ, они не сумели услышать из-за нового взрыва хохота и возгласов толпы.

– Смотри, что вытворяют! – показывали в толпе на непонятливых птиц. – Чем теперь Паррасий будет отвечать?

– Снова проиграет!

– Зевксис – победитель!

– Помнишь, как Паррасий Тиманфу проиграл?

– Помню. Как такое забудешь...

На состязании, на острове Самосе, Паррасий выставил картину, написанную на тему «Аякс в споре с Одиссеем из-за оружия Ахилла». На тот же сюжет представил картину и художник Тиманф. Судьи признали лучшей картину Тиманфа, тем самым нанеся оскорбление гордости Паррасия, утверждавшего, что его род идёт от самого бога Аполлона. Выслушав решение, Паррасий надменно ответил судьям и своему сопернику Тиманфу: «Мне жаль, жаль, что Ахилла опять победил один из недостойных!» Что теперь ответит Паррасий, как перенесёт неминуемое поражение? Этот вопрос заботил всех присутствующих. Постепенно толпа притихла в ожидании развязки.

– Ну а теперь ты отдерни свой занавес, – попросил Паррасия довольный собой Зевксис.

– Не могу, – ответил Паррасий, – он у меня нарисован.

– Как? Не может быть... – Зевксис, не веря глазам своим, подошёл ближе к работе Паррасия и потрогал нарисованный занавес рукой. – Ты победил.

Народ молча ждал решения судей.

– Победил Паррасий, – ещё раз громко объявил Зевксис. – Я обманул птиц, а он обманул глаз живописца. Я отдаю свою победу, даже если судьи присудят её мне. Победил Паррасий!

Никию и судьям ничего не оставалось делать, как согласиться с добровольным решением Зевксиса выйти из борьбы за первенство. Победу в состязании присудили Паррасию.

«СЕМЬЯ КЕНТАВРОВ»

Без особого воодушевления народ воспринял известие о присуждении победы Паррасию. Выносящего лавровый венок Никия встретили жидкими аплодисментами, а, когда тот приготовился венчать венком голову художника, из толпы донёсся недовольный свист.

– Зевксис победитель! – не успокоившись, кричали поклонники художника.

Художник Зевксис жестами и словами, как мог, успокаивал своих почитателей, а Паррасий, высматривая хулиганов, бросал гневные взгляды в толпу. Он как будто впервые увидел афинский народ. Перед ним стояли обычные люди: горшечники, оружейники, портные, повара, корабельщики, медники, лекари, плотники, кожевенники, купцы и мелкие торговцы, учителя, музыканты, писцы, наставники в гимназиях и палестрах, обычные люди самого разного положения, достатка, профессий, характеров и выражения чувств. Среди них можно было встретить и суровые лица, и возвышенные, а также низменные и трусливые, мелькали хитрые лица рабов и чумазые лица ковыряющихся в носу детей, он вычислил и раздражённые, злые лица людей, несогласных с его победой. Здесь были все. Не было только единого, легендарного, героического народа Эллады, о котором слагаются мифы.

– Триумфатора венчает венец лавровый! – читал диктор заготовленный текст. – Чествовать так победителя нам заповедал Аполлон. Чтоб никогда не забывать итог любви неразделённой, он сам на голову себе надел венок от нимфы Дафны. С тех пор от имени его мы награждаем победителей венком лавровым, чтоб вечной славой внушал восторг и поклонение артист, поэт, спортсмен, художник, музыкант, мыслитель мудрый и правитель справедливый. У живописцев в состязании сегодня победил Паррасий, воздадим ему хвалу! По праву надлежит принять ему победный символ – лавровый венок!

Пока диктор читал победителя, недовольство толпы сошло на нет. Никий в полной тишине наконец-то торжественно надел на голову Паррасия лавровый венок. Добродушно улыбаясь, к быв-

шему сопернику подошёл Зевксис, поздравил его с победой и в знак признательности вручил Паррасию свою художественную кисть со следами свежей восковой краски. В толпе снова возник шум: аплодисменты и выкрики: «Зевксис, Зевксис, Зевксис». Художник повернулся лицом к народу и призвал всех утихомириться.

– Паррасий победил! Всем, кто не согласен с моим решением, я предлагаю подождать до следующего состязания. А теперь, если кому-то интересно моё творчество и если вы хотите увидеть мою новую картину, то прошу всех через час подойти к моему особняку. В моём перистиле найдётся место для всех. Только прошу не опаздывать.

Особняк Зевксиса был, пожалуй, самым заметным в квартале олигархов. Побывать во внутреннем дворике огромного дома знаменитого и очень богатого художника хотели бы многие. Но не каждый собирался пойти туда, да и не всякого могли там с радостью принять. Зрелище кончилось, народ начал расходиться. Напоследок диктор спешно зачитывал городские объявления:

– В театре Диониса у стен Акрополя покажут завтра трагедию Эсхила. Всем зрителям советую с собою взять подушки, чтобы на скамьях театра приятно и удобно игру актёров наблюдать и голос хора слушать. Декорации к спектаклю создал Аполлодор-великий, по прозвищу «Скиаграф», что означает «тенеписец». Для трагедии Эсхила на кулисах выносных Аполлодор, изобразил горы, море, острова, виноградники, оливковые рощи так, как будто зритель в тех местах присутствует. Только ради этого, чтоб посмотреть на декорации Аполлодора, советовал бы я спектакль тот посетить.

Диктор успел прочесть и коммерческое объявление.

– Чтобы сияли глаза, чтобы алели щёки, чтобы надолго сохранилась девичья краса, разумная женщина будет покупать косметику по разумным ценам у Эклиптоса.

* * *

Покидая Агору, Александрос спросил у Аполлинарии:

– Как, Полинария, понравилось тебе?

– Да, очень. Особенно «Виноград» Зевксиса.

– Ну, теперь ты поняла, зачем нужна живопись?

– Нет, пока всё равно не поняла, – честно ответила девочка.

– Ты видела, сколько народу собралось посмотреть картины?

– Много.

– Вот именно, много. А ещё больше захочет посмотреть на картины после состязания. Каждый афинянин посчитает обязанностью прийти сюда и сам, своими глазами увидеть те картины, о которых уже сейчас рассказывают легенды.

– Ну и что?

– А то, что живопись не только катарсис для каждого отдельного человека, но живопись ещё и объединяет всех людей в единый культурный народ.

* * *

В назначенное время в перистиле особняка Зевксиса собрались все званые гости. Тут были и Софрат с учениками, и ученики художественных мастерских, и художники, и мастера, и любители искусства, и ценители, и оценщики. К Зевксису пришёл и «Скиаграф» – Аполлодор, знаменитый не только своими театральными декорациями, но и монументальной настенной живописью и своими картинами, «открывшими двери в искусство». Пришёл и судивший состязание Никий, также не гнушавшийся станковой живописи и умевший придавать написанным фигурам такую иллюзию рельефности, что, казалось, они выступают из картины. Здесь был скульптор и художник Евнафор, изображавший на своих картинах фигуры героев так, словно они были выточены из мрамора. И конечно, с лавровым венком на голове, в ещё более роскошном плаще и с тростью, перевитой золотой лентой, пришёл Паррасий. Вместе с ним пришла гетера Полиния из Эфеса, недавно прибывшая в Афины. Гордая красота независимой женщины была особенно заметна в её спокойных, умных больших серых глазах, неброско и умело оттенённых косметикой.

Зевксис добродушно встречал гостей, и на его лице не было заметно тени огорчения от поражения на состязании.

– Я хочу представить вам свою новую картину. – Все внимательно слушали гостеприимного хозяина. – Может, кому-то она покажется необычной, нарушающей привычные представления, но художник имеет право показать людям то, что никто и никогда не видел и не увидит без помощи художника. Все знают, кто такие кентавры, хотя никогда и никто их не видел воочию. Знают про их свирепый нрав, хотя никто с ними не сталкивался вживую. Я решил показать не звериную натуру кентавра, а человеческую. Ведь наполовину он всё же человек, и ему, как и нам, присущи обычные человеческие чувства. Кентавры, так же как и мы, способны любить, воспитывать детей, заботиться о своих близких и даже быть друзьями человека. Вспомним хотя бы учителей Геракла – кентавров Хирона и Фола. Моя картина называется «Семья кентавров», и вы сейчас сами всё увидите своими глазами...

Зевксис велел вынести картину на публику, и пара рабов, склонившись от тяжести, вынесла большое полотно, собранное из деревянных дощечек, на котором была написана удивительная сцена.

На переднем плане изображена кентавресса. Она отдыхает на цветущем лугу. Женская её половина, облокотившись о холмик, легко приподнята над землёй. Одного из детёнышей она по-матерински держит на руках и кормит грудью, а другой, постарше, припал к её лошадиным сосцам. На втором плане, словно стоящим на страже, изображён гипокентавр. Он, играючи, держит в руке львёнка и дразнит им своих детей. Ребятишки по-детски наивно глядят вверх и теснее прижимаются к матери. Кентавра-мужа Зевксис изобразил совершенно диким, с развевающейся гривой и сплошь волосатым. Хотя кентавр и улыбается, но смотрится вполне по-звериному. Подруга же его представляла собой красивейшую кобылицу и женщину совершенной красоты.

Картина была написана свежими, чистыми красками. Мягкий переход, связывающий человеческое тело с конским, превращение одного в другое, происходил совершенно естественным и незаметным для глаз образом.

Общее мнение среди ошеломлённых зрителей выразилось одним словом:

– Великолепно!

– Зевксис – великий художник!

– Да, надо признать, неожиданное решение, – сохраняя достоинство, высказался Паррасий. – Особенно мне понравился точный анатомический рисунок, а также композиционное построение картины.

– Да, да, – поддержали его, – посмотрите, как плавно переходит одна контурная линия в другую.

Считалось, что Паррасий в своих картинах с особой тщательностью относился к рисунку и, по признанию художников, «достиг первенства в контурах».

– Сколько такая картина может стоить? – донеслось с дальних рядов зрителей. Вопрос был явно задан торговцами искусством.

– Нет такой цены, – ответил Зевксис, – которая была бы достойна моего произведения.

А художники между тем продолжали обсуждать картину.

– По моему мнению, не надо было изображать гипокентавра чересчур волосатым, – высказал свою точку зрения Никий. – Лучше было бы показать атлетическую фигуру кентавра, а не скрывать за густыми волосами его крепкую мускулатуру.

– Это сделано на контрасте с фигурой кентаврессы, – возразили ему.

– Всё равно, – не успокаивался Никий, – картина была бы более цельной.

– А мне кажется, деревья несколько неестественны, и таких цветов, что на первом плане, в природе не существует.

– И рисунок у Зевксиса не такой уж безупречный...

– Зачем Зевксис всегда изображает фигуры несколько большими, чем они есть на самом деле?

– А вы видели настоящих живых кентавров?

С каждой новой услышанной фразой добродушная улыбка постепенно сходила с лица Зевксиса.

– Легче критиковать, чем самим сделать что-то подобное. Легче порицать, чем сделать лучше, – отвечал он соратникам по искусству живописи.

В это время Полиния из Эфеса, попросив у хозяина особняка воды, обратила на себя общее внимание. Зевксис подал знак, и статной женщине преподнесли кувшин с холодной водой. Она взяла его в руки, но пить сразу не стала.

– Все, кто говорил сейчас о картине, наверное, увидели бы в этом кувшине недостаточно обожжённую глину, мелкие трещинки и царапинки, плохого качества лак и примитивный рисунок, а, взяв кувшин в руки, наверное, почувствовали бы пот мастера, трудившегося над ним. А я вижу прекрасную форму скифоса с затейливым орнаментом и интересным сюжетом. И самое главное, из этого кувшина я утоляю свою жажду, – гетера на глазах публики пригубила от края кувшина немного воды. – И никакого пота от гончарного труда я не заметила, – она ещё раз прикоснулась губами к кувшину, – и никаких трещинок и шероховатостей не почувствовала, – она поблагодарила Зевксиса, – Великий Зевксис, вы дважды утолили мою жажду.

В наступившей тишине прозвучали одобрительные аплодисменты. Это в ладони хлопал Сократ.

– Всё-таки среди гетер есть удивительно мудрые женщины, – он редко награждал такими словами кого-нибудь ещё. Подруга Паррасия напомнила ему Аспазию, супругу Перикла, у которой он в своё время учился искусству риторики. – Вот так надо отстаивать свою правоту. Прямой путь не всегда является самым коротким. Прямолинейность высказывания не всегда убедительней иносказательной притчи, – учил он своих учеников.

После изысканной отповеди недоброжелателей разговор перешёл на обсуждение достоинств картины. Теперь все стали хвалить мастерство живописца, его красочную палитру, соразмерность частей и целого, умелое распределение света и тени и так далее и тому подобное. Но на хозяина это уже не произвело ни малейшего впечатления. Обычно весёлый нрав Зевксиса не возвращался к нему, и кажется, он не на шутку обиделся на гостей. Зевксис подал знак, и рабы, прикрыв картину занавесом, унесли её из перистилия обратно в мастерскую художника.

СОКРАТ И ПАРРАСИЙ

Афины отдыхали от дневной жары. С моря лёгким дыханием веяло прохладой. Вся Эллада погружилась в предвечерние сиренево-синие сумерки. Безграничное небо слилось с безбрежным морем, и в солёном небе плескались рыбы, а в морской бездне загорались мириады звёзд и ночных светил.

Паррасий любил в это время суток пройтись по обезлюдевшей площадке Ареопага, с которой виден морской порт, где на убаюкивающих волнах раскачивались рыбацкие и торговые судёнышки.

– Что такой хмурый? – спросила идущая рядом с ним Полиния.

– Остался какой-то неприятный осадок после перистилия Зевксиса.

– А в чём дело?

Паррасий небрежно снял с головы лавровый венок и смял его.

– Его картина поначалу поразила меня... Оригинальный сюжет, мастерское исполнение, но чем дольше я смотрел на неё, тем больше она меня начинала раздражать.

– А мне понравилась. Особенно малыши-кентавры. У ребятешек такие чистые наивные глазёнки. И кентавресса – красавица, и львёнок в руке кентавра как живой. И, я думаю, эта картина добавит славы Зевксису.

– Ты, наверно, знаешь, Полиния, что мне тоже в своё время приходилось работать над темой «кентавромахии», – не разделяя её восторгов, продолжил Паррасий. – Чеканщик Мис по моему рисунку «Битва кентавров с лапифами» выбил рельеф на щите Афины «Промакос». Да-да, той самой, что стоит на площади Афинского Акрополя, – Паррасий невольно оглянулся и с гордостью показал на видимую отовсюду величественную бронзовую статую, горящую огнём в лучах вечернего заката. – Сам Фидий доверил мне, тогда ещё совсем никому не известному юноше из Эфеса, этот заказ, – мягкая улыбка добрых воспоминаний отразилась на его лице.

– Зевксис знаменит. Сделал себе громкое имя, – после паузы продолжил он наболевшую тему, – поэтому Зевксису сейчас позволено всё! Он может писать всё, что захочет, и всё ему сходит за золотую монету.

– Я слышала, что Зевксис иногда дарит свои картины бесплатно, говоря, что нет такой цены, которая достойна его живописи.

– Я тоже слышал об этом... Но в этом ли цель и задача искусства – поразить людей сиюминутным эффектом? И эти его постоянные слова о том, что критиковать легче, чем написать так же, как он, воспринимаются как его личное самооправдание. А в чём ему оправдываться? Он великий художник! Всеми признанный, окружённый почётом и славой. Богат. Но даже к своим картинам атлетов, вы-

ставленным в Олимпии, зачем-то прикрепил таблички, где золотыми буквами написал: «Легче может кто-нибудь завидовать, чем подражать».

– А ты ему, часом, не завидуешь, Паррасий?

– Нет. Я не собираюсь подражать ему. Не хочу писать так, как он. У меня своя дорога. Но кто из нас прав, не знаю.

– Мне кажется, каждый художник задаёт подобные вопросы и каждый сам находит на них ответы. Может, тебе стоит пообщаться с Сократом?

– Ты так считаешь?

– Конечно. Кто ещё лучше его разбирается в сути вещей.

– Наверное, ты права... А где можно найти Сократа?

– Обычно он бывает на Агоре. Может, и сейчас он ещё там.

* * *

Сократ происходил из самой обычной простой семьи. Отец его – ваятель Софроникс, а мать Фенарета – повивальная бабка. В молодости Сократ помогал отцу и даже подавал надежды стать неплохим скульптором. Но он выбрал другой путь – путь «повивального искусства». Как его мать помогала женщинам рожать детей, так и он «помогал юношам, рождающим прекрасные мысли». Вокруг Сократа всегда были его друзья, участники бесед, называющие себя его учениками – «сократиками», так про них говорили в народе. Сам он не считал своих собеседников учениками, ибо своей школы никогда не имел и денег ни с кого не брал.

В отличие от «софистов» в ковычках, которые за большие деньги обучали красноречию молодёжь из состоятельных семей, софисты, платные «учителя мудрости», считали, что изворотливая мысль бывает сильнее оружия, и если ты владеешь искусством спора, «эристикой», то сумеешь «неправое дело выставить правым, а слабые аргументы – сильными». Многие военные, авантюристы и политики учились у софистов ловко обманывать доверчивый народ.

Бедно одетый, вечно босой, Сократ, презиравший деньги и проповедующий воздержание от грубых страстей, необходимость образования, гражданский долг, справедливость, почитание богов и жизнь по совести, Сократ, обличающий гордыню и честолюбие, вызывал у «софистов» гнев и даже ненависть. Его необычная манера разговаривать доверительно, по-дружески и в то же время иронично в конце концов смущала собеседника, который вдруг понимал, что он не столь умен и значителен, как думал о себе перед началом беседы с Сократом. На него можно было обижаться, но никто не обижался, наоборот, Сократ был постоянно окружён искавшими мудрости молодыми людьми, друзьями, почитателями и учениками. Сократ не был спорщиком, как «софисты», он был диалектом, то есть способным выяснять суть предмета в дружеской непринуждённой беседе с помощью вопросов и совместного поиска ответов на них. К Сократу шли те, кто пытался докопаться до истинного знания, и шли просто любопытные, привлечённые его славой. У него были верные друзья из разных концов Греции. Иные, восторженные поклонники, были готовы ради него бросить все блага жизни, были и такие, кто во время войн по ночам под страхом смерти пробирались в Афины, чтобы послушать Сократа, записать его слова и мысли, сохранить в памяти всё, что он говорил, чтобы потом, вернувшись, пересказать всем интересующимся жизнью учителя. С ним искали дружбы и заносчивые аристократы, и цари, и властители. Сократ отклонил приглашение македонского царя прибыть к нему во дворец, он также отказался от приглашения властителей Фессалии и Ларисы.

Иногда Сократ сам находил себе достойных учеников: при его содействии был выкуплен из рабства Федон из Элиды, который на долгие годы стал ему ближайшим другом. Или, как в случае с Платоном, Сократ сначала увидел во сне встречу с будущим преданным учеником, прославившим его имя в веках. Этой встречей Платон был так потрясён, что сжёг всё, что до этого сочинил, и с этой минуты посвятил свою жизнь учителю. Сократ дал Платону твёрдую веру в существование истины, которая познаётся трудным путём внутреннего самоочищения. Ксенофонт познакомился с Сократом при необычных обстоятельствах. Однажды Сократ встретил Ксенофонта, загородил ему дорогу палкой и спросил: «Где продаются съестные припасы?» На ответ Ксенофонта он вновь задал вопрос: «А где люди делаются добродетельными?» – и на смущённое молчание юноши властно приказал: «Иди со мною и учись!» Мудрость Сократа всюду прославлял ещё один из его пылких друзей – Хорелефонт. Од-

нажды он отправился в священный город Дельфы к оракулу Аполлона и спросил, есть ли кто-нибудь на свете мудрее Сократа? Ему в ответ пифия изрекла: «Софокл мудр, Еврипид мудрее. Сократ же мудрейший из всех людей». Такое признание исключительной мудрости глубоко подействовало на Сократа, и он стал учить своих сограждан истинному знанию, так как считал, что есть «одно только благо – знания, и одно только зло – невежество».

Всегда независимый, задиристый и остроумный, Сократ был общительным человеком. Он проводил дни то в гимнасии, то в палестре, то на Агоре, то за пиршественным столом. И всюду он беседовал, давал советы, выслушивал жалобы, учил жизни и пытался найти ответы на насущные вопросы.

Паррасий нашёл Сократа там, куда его направила Полиния, – на Агоре. Старец был не один. По-видимому, только что закончился очередной философский спор. Несколько молодых людей, восхищённых строгой логикой сократовской мысли, восторженно аплодировали ему. Сократ издали заметил Паррасия и сразу понял, что художник вернулся на Агору не просто так, а в поисках встречи с ним. Он также хотел этой встречи и, деликатно отстранившись от своих почитателей, направился к Паррасию.

– Что привело триумфатора живописи к бедным философам?

– Сократ, я слышал, что ты много знаешь и давно хотел с тобой побеседовать о смысле живописи и о её предназначении?

– Ты ошибаешься Паррасий, я знаю только то, что ничего не знаю. – И, хитро улыбнувшись, продолжил: – Но другие не знают и этого.

– И... мы не сможем поговорить?

– Почему же, только что с моими друзьями мы вспоминали твоё состязание с Зевкисом и его новую картину «Семья кентавров».

– И каковы суждения?

– Разные. Платон, например, называет вас «фокусниками», сделавшими своим ремеслом обманчивую видимость.

– А как тебе, Сократ?

– Я, как и все афиняне, люблю живопись, ценю и почитаю художников. Поднимаясь к пропилеям Акрополя, никогда не забываю заглянуть в Пинакотеку и полюбоваться на картины Полигнота.

– А знаешь ли ты, Сократ, что большой греческий Совет однажды решил, что Полиглот может пользоваться гостеприимством каждого дома в любом городе Греции и останавливаться там, где ему вздумается. Совет обязался оплачивать все его расходы. Надо отдать должное: Полиглот не злоупотреблял этим решением.

– Паррасий, а что такое живопись?

– Ты будешь смеяться, Сократ, но именно этот вопрос я хотел задать тебе.

– Не есть ли живопись отражение вещей, которые мы видим? Не изображает ли художник с помощью красок выпуклости и впадины, светлое и тёмное, жёсткое и мягкое, шершавое и гладкое, молодую упругость кожи и дряблость тела?

– Да, это так и есть.

– А когда вы хотите изобразить красивые формы, но не находите человека, в котором было бы всё безупречно, не соединяете ли вы в одной модели черты нескольких, беря у каждой то, что в ней красивее всего? Не так ли художник создаёт прекрасные образы?

– Да, именно так мы и поступаем, – сказал Паррасий, понимая, что Сократ намекает на картину Зевкиса «Елена Троянская».

– Теперь дальше. Выражаете ли вы душевные свойства?

– Да, – после некоторого раздумья ответил художник. – Но только проявление крайних чувств: гнев, боль, страдание.

– На этот случай я даже помню одно стихотворение, – хитро улыбнувшись, произнёс Сократ, – посвящённое картине «Филоктет на Лемносе»:

Так и Трахинский герой
Филоктет, изнурённый страданьем,
Кисти Паррасия дар здесь пред нами предстал.
Видишь, сухие глаза немую слезу загаили.
В них глубоко залегла невыносимая боль.
О ты, чудесный художник, могучий искусством, надо б
Отдых от мук наконец мужу усталому дать.

Увы, но вы бессильны изобразить самое проникновенное, самое трогательное, самое достойное изображения – состояние Души человека. Выражаете ли вы душевные свойства, как, например, приятность и равнодушие, волнение и зависть, любопытство и интерес, презрение и стыд?

– Да как же, Сократ, выразить то, что не имеет ни определённой меры, ни пропорций, ни цвета, ни ярко выраженных эмоций. Вообще ничего. То, что ты только что назвал, едва заметно, даже невидимо.

– Но бывает так, что человек смотрит на кого-либо то дружелюбно, то враждебно?

– Конечно.

– Не следует ли выразить это хотя бы в глазах?

– Разумеется.

– А замечал ли ты, что в счастье или несчастье друзей лица сочувствующих или не сочувствующих им бывают равно одинаковыми?

– Конечно, нет! – возмутился Паррасий. – При счастье друзей у сочувствующих им лица светлые, а у несочувствующих – мрачные и злые.

– Значит, и это можно воспроизвести?..

– Наверное, да.

– Дальше. Величие и независимость, унижение и рабство, осторожность и рассудочность, надменность и высокомерие разве не проглядывают в чертах человека и во всей его внешности, и когда он стоит, и когда движется, и когда он лицом к нам, и даже когда к нам спиной?

– Это правда, – отвечал Паррасий.

– Значит, и это нужно учитывать, и это можно выразить?

– Да, наверное, можно.

– И теперь думаешь ли ты, что люди охотнее смотрят на таких людей, в которых проглядывает красота, добро и любовь, чем на таких, в которых проглядывает безобразие, зло и ненависть?

– Конечно, Сократ, это большая разница, – ответил Паррасий, впервые усомнившись в истинности слов учителя.

– Чаще заглядывай в собственную душу, – уловив нотки сомнения, сказал ему Сократ. – Только в душе ты сможешь найти искру правды и истинные знания. Боги поместили их в каждое наше сердце, и вывести их на свет каждый должен сам, только ты сам сможешь раздуть пламя истины.

В беседе они не заметили, как к ним, крадучись, подошла женщина с маленьким ребёнком на руках.

– Вот ты где! – закричала она. – Старый бездельник! Плут! В доме нет ни крошки хлеба! Дети голодные, а он целыми днями треплет языком на Агоре.

– Познакомься, Паррасий, – спокойно сказал Сократ, – это моя жена Ксантипа. Если тебе попадётся хорошая жена, будешь счастливым, а если плохая – станешь философом.

– Это я-то плохая жена? – пуще прежнего закричала Ксантипа и попыталась отвесить Сократу затрещину. – Боги! Вы знаете, сколько мучений причинил мне этот старый бездельник. Я родила ему троих детей. Весь дом держится на моих плечах, и он ещё смеет называть меня плохой женой. Боги, призываю вас в свидетели, кто из нас прав – я, несчастнейшая женщина из всех женщин на земле, или этот никчёмный болтун?

Сократ, наскоро попрощавшись с Паррасием, взял на руки младенца и направился к выходу с Агоры, а рыжая сварливая женщина шла за ним, продолжая что-то громко говорить, периодически вздымая к небу руки.

Паррасий как драгоценный жемчуг перебирал в памяти услышанные мысли Сократа. Замысел картины возник сам собой. Он вспомнил прошедшее состязание, вспомнил толпу смотрящих на него людей. Перед ним предстала череда лиц с различными оттенками эмоций: простых и понятных, не кричащих, но рассказывающих о себе гораздо больше, чем те «театральные маски», которые он рисовал до сих пор. «Я обязательно напишу эту картину, – твёрдо решил он, – большую картину, и она будет называться “Афинский народ”».